



*Владимир Соловьев*

## **ДИАЛОГ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ С. М. СОЛОВЬЕВА**

Творческое наследие С. М. Соловьева в основном рассматривается в контексте его историко-методологических разработок, в результате чего заслоняются другие аспекты его научной деятельности, в том числе философско-социологическая и культурологическая проблематика. Цель этого текста – восполнить отмеченный пробел, приведя конкретный материал, раскрывающий то, как осмысление феномена культуры вывело Соловьева на уровень исследования, фактически поставивший его перед необходимостью оперировать понятиями, которые воплотились в термины и теоретически оформились много позже, и позволивший ученому со свойственным ему универсализмом подойти к изучению культуры, как это делает философ, социолог и культуролог. Через диалог истории и культуры в научном наследии Соловьева отчетливо проступает линия исследования, которую условно можно назвать культуросоциологической. При осознании того, что границы культурных явлений достаточно размыты, широки и неопределенны, историк убедительно и вполне структурированно подходит к ним, энергично реагируя на их ценностную составляющую, знаковые веяния времени и отстаивая свою правоту посредством полемики с признанными авторитетами. В статье прослеживается, как ученый системно интегрирует знания о культуре, приближаясь к вполне современному ее толкованию как многозначной объективной реальности, неисчерпаемой, как сама жизнь, и подлежащей непрерывному и бесконечному постижению.

*Ключевые слова:* культура, история культуры, социология культуры, физиология культуры, историософия, философия культуры, культурное наследие, С. М. Соловьев.

The creative heritage of S. M. Solovyov is mainly viewed in the context of his historical and methodological investigations, as a result of which other aspects of his scientific work such as philosophical, sociological and cultural studies are underestimated or even ignored. The purpose of this article is to fill up the mentioned gap by referring to the specific material that reveals how the understanding of cultural phenomenon made Solovyov use the concepts which later became philosophical terms and allowed the scientist whose historical works had always been rather theoretical and generalizing to approach to the study of culture the way, as does it the philosopher, sociologist, and culturologist. The author shows that there is a kind of dialogue between history and culture in the scientific works of Solovyov, and this dialogue makes it possible to conclude that the Russian historian was also at least a sociologist of culture. In spite of the fact that cultural phenomena are always difficult to determine or systematize, Solovyov was able to connect them with each other and to present them as a whole structure. While doing it, he took into consideration their value components, signposts of his times, etc. Moreover, Solovyov argued his position as a philosopher in lively polemics with famous scientists. The author of the article concludes that Solovyov's views on culture resemble those of modern culturologists and philosophers because culture is described by him as a multi-valued objective reality, which is inexhaustible like life itself and impossible to be conceived or expressed by means of a system of absolute knowledge.

*Keywords:* culture, history of culture, sociology of culture, physiology of culture, historiosophy, culture philosophy, cultural heritage, S. M. Solovyov.

### *Введение*

В целом ряде трудов крупнейший историк России С. М. Соловьев предстает как незаурядный социолог, прокладывающий новый науковедческий маршрут, ступая на еще неизведанный в отечественной историографии путь к современной социологии культуры. Он был одним из первопроходцев на этом поприще и, ведомый интуицией и историософским видением, вышел на то поле интеллектуальной деятельности, которое теперь, в XXI в., успешно осваивается и приумножается новыми всходами. С его точки зрения, для исследования важно и перспективно все то, что занимает в данный момент конкретную общность людей, получает то или иное осознание и разрешение в этой среде. Соловьев-историк органично сочетает в себе Соловьева-социолога. К рассматриваемым явлениям он подходит с теоретических позиций исследования жизненного мира. Его отличает удивительная чувствительность к предстоящим и происходящим социальным изменениям и коллизиям. Исследовательский интерес ученого направлен на разнообразный материал от басен, песен, сказок и легенд до прибауток, анекдотов, примет, суеверий и пословиц. Отсюда тщательность, с какой ученый вникает в вопрос о социальной, национально-этнической, профессиональной принадлежности носителей фольклора, а также об их возрастной категории. В системном анализе Соловьева неизменно фиксируются определенные элементы и связи, характерные для изучаемого объекта. И подход ученого к культуре как сокровищнице сокровенных сил народа вполне укладывается в гипотетическое развернутое описание социального объекта как системы. Культура в его интерпретации – целостная система и совокупность составляющих ее механизмов, субъектов и объектов. Он пользуется аксиологической шкалой, с помощью которой пытается одновременно замерить и объединить отдельные части культуры, чтобы дать представление о том, насколько она разветвлена и иерархична.

Цель этого текста – раскрыть в диалоге истории и культуры в творческом наследии Соловьева разработку культуросоциологической проблематики.

### *Памятники народной жизни*

Историософия Соловьева базируется на теории органического развития, и для кредо ученого естественно и необходимо включение всего того, что связано с культурой, в непрерывную цепь взаимной обусловленности фактов, событий, явлений. Культура в современном комплексном понимании этого термина составляла для Соловьева неотторжимую часть живой ткани исторического про-

цесса во всем его многообразии и конкретности: «...с течением времени наука мужает, и является потребность соединить то, что прежде было разделено, показать связь между событиями, показать, как новое проистекло из старого, соединить разрозненные части в одно органическое целое, является потребность заменить анатомическое изучение предмета физиологическим» [3, с. 635]. Иначе говоря, историк переносит акцент со строения тела, т. е. в данном случае человеческого общества, на функционирование его органов и всего организма.

Из сочинения в сочинение Соловьев повторял и подчеркивал положение, которое находил важным и определяющим понимание истории: «Каждый народ проходит известные возрасты, развивается по тем же законам, по каким развивается и отдельный человек. Чтобы дать своему взгляду более общности и применимости, мы делим жизнь каждого исторического народа на две половины, или на два возраста, как те же две половины замечаем и в жизни отдельного человека. В первой половине народ живет, развивается преимущественно под влиянием чувства; это время его юности, время сильных страстей, сильного движения, имеющего результатом зиждательность, творчество политических форм. Здесь благодаря сильному огню куются памятники народной жизни в разных ее сферах или по крайней мере закладываются прочные фундаменты этих памятников. Наступает вторая половина народной жизни: народ мужает, и господствовавшее до сих пор чувство уступает мало-помалу свое господство мысли. Таким образом, в жизни исторических, развивающихся народов мы признаем два периода, период чувства и период мысли; разумеется, мы так выражаемся для краткости, собственно, мы разумеем период господства чувства и период господства мысли. Сомнение, стремление поверить то, во что прежде верилось, что признавалось истинным, задать вопрос – разумно или неразумно существующее, потрогать, пошатать то, что считалось до сих пор непоколебимым, знаменует вступление народа во второй период, период мысли» [7, с. 104–105].

«Самый лучший способ для народа познать самого себя, – считает Соловьев, – это познать другие народы и сравнить себя с ними; познать же другие народы можно только посредством познания их истории. Познание это тем обширнее и яснее, чем большее число народов становится предметом познания, – и естественно рождается потребность достигнуть полноты знания, изучить историю всех народов, сошедших с исторической сцены и продолжающих на ней действовать, изучить историю всего человечества, и, таким образом, история становится наукою самопознания для целого человечества» [7, с. 6]. Здесь узнается рецепция идей за-

падных светил мысли: историков Г. Бокля, Ф. Гизо, О. Тьерри, географа К. Риттера, философов И. Г. Гердера, Г. Спенсера и прежде всего Г. Гегеля, однако было бы узко и ошибочно видеть в этом лишь вторичность и компиляторство Соловьева. Его большая заслуга состоит в том, что он синтезировал, осмыслил, оспорил широкий круг философских идей применительно к истории и культуре России, фигурально выражаясь, выстроив мосты между прошлым и настоящим, показав, что происходит на обоих берегах, причем выдержал золотую середину и избежал при обращении к прошлому заикленности исключительно на том, что было, и не допустив модернизации и анахронизма событий явлений минувшего.

### *Границы социокультурной эволюции*

Перекосы советского времени с характерно негативными оценками представителей старой (дворянско-буржуазной) научной школы не вполне преодолены и в новейшей российской историографии. К примеру, то, что Соловьев отталкивается от достаточно банальной теории о «возрастной» детерминированности народной жизни, несколько поспешно и безапелляционно было расценено на исходе XX в. как мировоззренческий кризис ученого [9, с. 739]. Но приверженность малооригинальной концепции в данном случае вовсе не показатель того, что он плохой или слабый мыслитель. Как раз напротив: этот отправной пункт служит историку удобной точкой отсчета, давая возможность далее следовать по новому науковедческому маршруту, прокладывая еще не изведанный в отечественной историографии путь к современной социологии культуры. Конечно, незачем подводить базу под сегодняшнее состояние этой стремительно развивающейся науки и объявлять Соловьева ее безусловным первопроходцем. Тем не менее, ведомый интуицией и историософским видением, он вышел на то поле интеллектуальной деятельности, которое теперь, в XXI в., успешно осваивается и развивается. Так что высокий потенциал научного новаторства Соловьева сомнений не вызывает. К тому же, уровень владения логикой и диалектикой подвели его задолго до Ф. Фукуямы к мысли о небеспредельности социокультурной эволюции человечества и конечности прогресса. Соловьев выделяет фрагменты прошлого, которые в его время не только не были на первом плане, но и толковались иначе, чем предлагает он. Так, историк отказывается признавать движущей силой мироздания веру в добро и порядок и не разделяет распространенное убеждение, что рациональные установления и законоположения гарантируют развитие человечества в сторону приращения истины, разумности, гуманности и красоты. Дисбаланс общественного бы-

тия, считает ученый, гораздо устойчивее и длительнее, чем состояние зыбкого и шаткого равновесия, и «отцентровка» этого процесса вне компетенции человечества. Скептическое отношение к прогрессу роднит Соловьева с Гегелем. Как и последний, историк разделяет количественный процесс накопления знаний и его качественные последствия как результат и склоняется к тому, что думать, будто все идет к лучшему, – это типичное заблуждение.

Впрочем, это не мешает ему полемизировать с гегелевской философией истории. Для историка очевидны вечные изменения и вечное движение, но понятие «абсолютный прогресс» он находит абсурдным и решительно относит его к разряду химер [7, с. 105, 114]. Как человек верующий, Соловьев «не может успокоиться на вере в бесконечный прогресс, т. е. бесконечное несовершенство, бесконечные ошибки, необходимо предполагаемые бесконечным прогрессом; не может успокоиться на этой вере уже и потому, что в основании ее видит одно предположение постоянно выгодных условий для явления, предположение произвольное, не утвержденное на точных наблюдениях» [7, с. 114–115]. Соловьев не сторонник жесткого наукоцентризма и, когда провозглашает, что «умственная развитость, соединенная с обширными познаниями, не исключает религиозного чувства», то он, конечно же, в первую очередь имеет в виду самого себя [7, с. 114–116]. Ученый не только трезво, без иллюзий оценивает цивилизаторский ресурс просвещенных и культурно продвинутых западноевропейцев, но и отвергает положение об историческом прогрессе как аксиоме, пророчески предсказывая, что линия прогресса в их истории лимитирована. «Предположить, что... европейские народы будут бессмертны, – констатирует он, – и из выгодных условий своего быта будут вечно почерпывать возможность вести далее дело цивилизации, мы также не имеем права, ибо такое предположение будет противоречить наблюдению над всем существующим. Мы можем принять только те выводы, которые явились вследствие наблюдений над историческою жизнью народов» [7, с. 104].

### *Сущностные связи предметов*

Культура для Соловьева – форм-фактор, созидательная инфраструктура в строительстве государства и исправном функционировании его механизма. Но ее роль не сводится только к этому. Не менее значимы для ученого человек, история его мыслей, поступков, побуждений, социального поведения, откровений, душевных ран и внутренних борений, а в более крупном плане – история народа и вскормившей его земли. Соловьеву претит «копаться в отхожих местах натуры человеческой», и стремление этим занима-

ться он находит отвратительным и мелким, негодуя, что есть охотники и любители толковать людей в дурную сторону [3, с. 320].

Исследователь-реконструктор, он восстанавливал картину прошлого, всматриваясь в каждую искру жизни, распутывая нить за нитью бесконечный клубок случайностей и постепенного действия непреложных законов, тех или иных факторов и конкретных обстоятельств. И культура, органически вплетаясь в повествование историка, неизменно придает его тексту законченный ритмический рисунок.

Актуальность и востребованность «Истории России» и других работ Соловьева во многом объясняется тем, что в научном познании он значительно опередил свое время и новаторски отразил в своих штудиях глубинные сущностные связи предметов. Фактически он оперирует материалом и анализирует его на профессионально-интеллектуальном уровне вершинных образцов научной практики XX–XXI вв. И неслучайно один из корифеев современной отечественной гуманитаристики Ю. М. Лотман рассуждает об истории и культуре, семиотически продвигаясь по проторенному Соловьевым пути осмысления минувшего в координатах, очень близких позиции автора «Истории России»: «Сущность культуры такова, что прошлое в ней, в отличие от естественного течения времени, не “уходит в прошлое”, то есть не исчезает. Фиксируясь в памяти культуры, оно получает постоянное, хотя и потенциальное бытие. Память же культуры строится не только как склад текстов, но и как определенный механизм порождения. Культура, соединенная с прошлым памятью, порождает не только свое будущее, но и свое прошлое, в этом смысле представляя механизм противодействия естественному времени» [1, с. 116].

Русскую культуру, начиная с корневой стадии (культурогенез), Соловьев безоговорочно относит по своей природе и типу к европейской, а древних предков русских – к арийским народам, обладающим ведущими признаками (подвижность и активность) принадлежности к западным обществам-цивилизациям. Поэтому прошлое, настоящее и будущее России историк однозначно считает логичным идентифицировать в русле европейской социокультурной традиции. С точки зрения Соловьева, на культуру внутри истории распространяются те же закономерности, что и на весь исторический процесс: неуклонно и спонтанно она движется по своей траектории, но оспаривал, что при всех отклонениях и противоречиях человечество развивается по восходящей линии, устремленной к счастью, благоденствию, и при этом прежнее уживается с нарождающимся. Утверждая, что «в истории ничто не оканчивается вдруг и ничто не начинается вдруг» [6, с. 635], уче-

ный, как уже было сказано, не спешит присоединиться к «прогрессистам».

### *Физиология и анатомия культуры*

Соловьев не обособляет культурную проблематику ни в главном своем труде – 29-томной «Истории России», ни в других сочинениях. Его установка – обеспечить при изложении единство и связь исторического процесса. Культура встроена в повествование автора и не выделена специально, хотя мелкая опорная рубрикация в качестве аннотации к главам для облегчения поиска нужной фактуры автором широко практикуется. Так, в краткой справке, дающей представление о содержании 3-й главы 1-го тома «Истории России», Соловьев целенаправленно помещает «культурный блок» из следующих пунктов: «Города. – Нравы и обычаи. – Гостеприимство. – Обращение с пленными. – Брак. – Погребения. – Жилища» и т. д. Точно так же главу 8-ю предваряет перечень, где уделено внимание занятиям жителей, состоянию религии и церкви, грамотности, песням. Подобный «навигатор» сопровождает и прочие разделы каждой книги.

В статье концептуального характера «Наблюдения над исторической жизнью народов» [7] ученый изложил целый ряд программно значимых для него суждений, включающих в том числе культурософские и культурологические построения. В этой работе он выступает оппонентом популярных в России 2-й половины XIX в. позитивистских взглядов и предлагает существенное переосмысление устоявшихся теорий и научных истин. В статье находит место и противопоставление физиологического понимания истории и культуры анатомическому. В словаре Соловьева отсутствует определение «физиология культуры», но поскольку чисто технически он его употребил, то, характеризуя культурологическое наследие историка, представляется возможным использовать эту формулировку.

Прежде всего автор руководствуется принципом историзма и строго соотносит обычаи и традиции народа с возрастом и условиями его жизни. При этом культура – важнейшее слагаемое, которое неизменно учитывает историк, реконструируя строй жизни и дух народа. В концепции Соловьева роль и место культуры меняются параллельно с двумя этапами исторического развития: эволюцией от периода господства чувства к периоду приоритета мысли. Соловьев различал и идентифицировал культуру в разных сферах, формах, проявлениях и обликах: в ратном служении Отечеству и повседневном труде землепашца, в законе и нравственности, в ремесле и торговле, градостроительстве и инженерии, в литературе и искусстве, науке и технике, в усилиях ревнителей

крепкой государственности и богоугодных делах православных пастырей, в бытовом укладе и религиозных насаждениях и заповедях, в устном народном творчестве и укоренившихся обрядах, нравах, приметах, в государственных установлениях и старинном самоуправлении, в необъятной духовной жизни людей разных сословий и званий и беспокойных исканиях пытливой русской мысли... Другими словами, историк раскрывал физиологию культуры, демонстрируя, так сказать, в рабочем порядке, как она «работает» и функционирует, в чем видится реальный вклад Соловьева в философию культуры, в теорию и историю мировой и отечественной культуры.

Соловьева интересует, как составляется народный образ. К выяснению этого вопроса он подходит с очень строгой меркой, дистанцируясь от укоренившейся в литературе и вообще в современной ему общественной мысли мифомании, перешедшей, по его словам, в дурную привычку заставлять народы жить ложью [7, с. 8]. Историка тревожит, что мысль, «выведши народ в широкую сферу наблюдений над множеством явлений в разных странах, у разных народов, в широкую сферу сравнений, соображений и выводов», претерпевает неизбежную аберрацию, и эта погрешность вносит в изучение функционирования и развития культуры в обществе искажение подлинных культурных норм, идей, ценностей, представлений, образцов поведения, регулирующих в конкретное время отношения между людьми и между человеком и обществом [7, с. 106]. Природу беспрестанных научных ошибок Соловьев видит в материалистической зауженности, односторонности, мелко-сти взгляда на вещи, в силу чего «человек перестает верить в свое духовное начало, в его вечность; перестает верить в свое собственное достоинство, в святость и неприкосновенность того, что лежит в основе его человечности, его человеческой, то есть общественной жизни... печной горшок становится дороже бельведерского кумира; удобство, нежащее тело, предпочтительнее красоты, возвышающей дух. При таком направлении, – продолжает ученый, – живое искусство исчезает, заменяется мертвой археологией» [7, с. 107].

### *Целостная система*

Культура, по Соловьеву, – это отпечаток народной жизни, форма, в которую отлиты все сферы этой жизни. Следовательно, приходит он к заключению, эта форма служит самою лучшею проверкою народной жизни, ибо она содержит «самый лучший, самый богатый материал для изучения народной жизни» [7, с. 13].

Противник дискретности, историк всячески стремился воспроизвести культуру как целостную систему и совокупность со-



ставляющих ее механизмов, субъектов и объектов. Это в полной мере согласуется с золотым правилом Соловьева рассматривать всякое «явление в жизни народа, как бы это явление ни было... случайно», в тесной связке с внутренними условиями народной жизни [7, с. 12]. Он кратко обрисовывает аксиологическую шкалу, с помощью которой пытается одновременно замерить и объединить отдельные части культуры, чтобы дать представление о том, насколько она разветвлена и иерархична. Поясняя свою мысль, он приводит доходчивые примеры: «В жизни отдельного человека мы различаем жизнь домашнюю и жизнь общественную, мы знаем хорошо, что человек немислим без общества, что только при столкновении с другими людьми, в общей деятельности, определяются его понятия, развиваются его умственные и нравственные силы. То же самое и в жизни целых народов: они также живут жизнью домашнюю, или внутреннюю, и жизнью общественною» [7, с. 13–14]. В свою очередь, продолжает Соловьев, «внутренняя жизнь народа... обнаруживает сильное влияние на степень и характер его участия в общей жизни народов точно так, как домашний круг человека, его домашнее воспитание имеет важное влияние на характер, с каким он является в общество, на его общественную деятельность; но из признания тесной связи между внешнею и внутреннею жизнью народа и взаимного влияния их друг на друга не следует, что одной надобно отдавать преимущество перед другою» [7, с. 14].

#### *Человек и общество*

В вопросе о соотношении человека и общества Соловьев, будучи твердым государственным, настаивал на том, что государство есть необходимая форма для народа, тогда как народ немислим без государства, мощно воздействующего на народный быт и воспитание [7, с. 15]. Отмечая роль и место в культуре законов, учреждений, правительства как производных функций государства, историк далек от преувеличения их значения как приоритетных величин для воссоздания картины прошлого. Все они «есть произведение исторической жизни... народа, есть самая лучшая проверка этой жизни» [7, с. 11]. Не абсолютизирует он и источник исследования, т. е. артефакты, т. е. предметы материальной и духовной культуры. Нет смысла, пишет он, останавливаться «ни на каком литературном памятнике, если не будут видеть в нем ни выражения народной мысли, ни той силы, которая побуждает эту мысль; в таком случае гораздо важнее будет народная песня, даже полная анахронизмов в изложении внешнего события; предметом первой важности будут повествования летописцев о неурожаях, наводнениях, пожарах и разных бедствиях, заставлявших народ страдать,

о затмениях и кометах, пугавших его воображение явлениях, которые для историка, имеющего на первом плане государственную жизнь, составляют неважные черты» [7, с. 15].

Фактически Соловьев выявляет субординацию ценностей, выводя ее из интересов, предпочтений и ориентаций человеческого сообщества прошлых столетий. Он придерживается однозначного мнения: «Если известный закон или учреждение, каковы бы ни были сами по себе, не имеют приложения к народному быту, то во всяком случае они заслуживают внимания; если закон или учреждение действуют и в то же время неприложимы к народному быту, то они причиняют вред. Затруднения, неудобства в отправлениях народной жизни – это очень важно, и историк обязан вникнуть в причины такого явления, ибо здесь проверка народной жизни. Историк обязан останавливаться на важных литературных памятниках, ибо такие памятники не могут пройти бесследно для жизни общества. Историк, имеющий на первом плане государственную жизнь, на том же плане имеет и народную жизнь, ибо отделять их нельзя: народные бедствия не могут быть для него неважными чертами уже и потому, что они имеют решительное влияние на государственные отправления, затрудняют их, бывают причинами расстройств в государственной машине, что вредным образом действует на народную жизнь. Но, конечно, историк, уважающий народ, не поставит наряду с народными бедствиями затмений и комет, пугавших народное воображение, хотя и не оставит их без внимания, когда будет говорить, как народ в известное время представлял себе известные явления» [7, с. 15–16].

#### *Сокровищница сокровенных сил народа*

Следы былой жизни, отложившиеся в устном народном творчестве, больших и малых формах фольклора, привлекают Соловьева не меньше, чем актовые материалы или летописи. Он зорко обнаруживает в них яркое отображение действительности, в том числе проблемных, конфликтных и кризисных ситуаций, возникающих в сфере человеческих взаимоотношений. Все, что занимает в данный момент конкретную общность людей, получая то или иное осознание и разрешение в этой среде, важно и перспективно для исследования, и здесь Соловьев-историк органично сочетает в себе Соловьева-социолога, ибо подходит к рассматриваемым явлениям с точки зрения социологической теории и социальной практики, выделяя конструкцию, созданную индивидуальным и коллективным мышлением и воображением. Поэтому он призывает не пренебрегать баснями, песнями, сказками, легендами, прибаутками, приметами, суевериями, пословицами, считая, что каждое лыко в строку, или, говоря иначе, в научном хозяйстве все

пригодится, все может пойти в дело. По его мнению, «подробности, анекдоты о государях, о дворах, известия о том, что было сказано одним министром, что думал другой, сохранят навсегда свою важность, потому что от этих слов, от этих мыслей зависит судьба целого народа и очень часто судьба многих народов» [7, с. 12]. Отсюда тщательность, с какой ученый вникает в вопрос о социальной, национально-этнической, профессиональной принадлежности носителей фольклора, а также об их возрастной категории. В системном анализе Соловьева неизменно фиксируются определенные элементы и связи, характерные для изучаемого объекта. И подход ученого к культуре как сокровищнице сокровенных сил народа вполне укладывается в гипотетическое развернутое описание социального объекта как системы.

Знание древнегреческого, латыни, французского, немецкого, английского итальянского, польского и чешского языков благотворно сказалось на расширении объема и круга знаний ученого, позволяя постоянно пополнять свой культурный багаж [2, с. 11]. Самокритично признаваясь, что плохо говорит на всех иностранных языках, он тем не менее по преимуществу свободно на них читал [3, с. 276] и, как справедливо отмечает Н. И. Цимбаев, безусловно, был ученым европейской культуры [8, с. 361].

#### *Единый общественный организм*

Теоретик в Соловьеве гармонично совмещался с исследователем-практиком, абстрактное и конкретно оптимально согласовывалось в его научной работе и укладывалось в развернутую систему, в которой ведущее место принадлежало народу, государству и личности. Обозначенное выше и привлекавшее историка «физиологическое изучение предмета» он раскрыл как в *opus magnum* («История России»), так и в упомянутой статье «Наблюдения над исторической жизнью народов» и целом ряде других произведений: «Прогресс и религия», «Исторические письма», «Начала русской земли», «Публичные чтения о Петре Великом», «Писатели русской истории XVIII века» и др. В названной группе сочинений он неоднократно возвращается к мысли о том, что история и культура представляют собой единый общественный организм. «Чем развитее организм, – отмечает Соловьев, – тем развитее его члены, органы, тем в более тесной связи находятся они друг с другом, тем менее для них возможности одиночного существования» [6, с. 181].

Синтез истории и культуры для Соловьева не подлежит сомнению. Он противник мельчания, парцелляции и членоразделения рассматриваемых событий и явлений: «Не делить, не дробить русскую историю... следить преимущественно за связью явлений, за

непосредственным преемством форм; не разделять начала, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, – вот обязанность историка», – пишет Соловьев [5, с. 51]. Для него история – наука народного самопознания, формирования и воспитания национального характера под воздействием внутренней и внешней жизни. Культурой ученый замеряет высоту и уровень национального духа, и потому контент его трудов неизменно содержит впечатляющее культурное многообразие. Это семейная нравственность и состояние нравственности вообще, религия и вера, нормы законодательства, сведения о ремеслах, торговле, промышленности, подробности домашнего быта князей, великих государей и простого люда, анализ летописей, памятников литературы и общественной мысли, достижений науки и просвещения. В результате русская культурная жизнь от древности до второй половины XIX в. получила у Соловьева освещение в достаточно равной степени и на разных уровнях.

Культурологический пласт в работах историка невероятно велик. Представленный Соловьевым культурный материал – это колоссальный массив информации, извлеченной из огромного свода источников. Ученый был первоклассным архивистом, глубоким знатоком фондов всех основных архивохранилищ. Он проштудировал тысячи законодательных памятников и актовых материалов, начиная от судебных и государственных грамот и договоров и кончая официальными документами своего времени. Широко опирался Соловьев на археологические находки, и вещественные источники занимают в его исходных материалах не менее заметное место, чем документальные и нарративные (летописи, хронографы, повести и сказания). Как опытейший музейщик (одно время он был директором Оружейной палаты), историк прекрасно разбирался в артефактах из коллекций Московского Кремля и других сокровищниц национальной истории и культуры. Концентрация в работах Соловьева культурного ряда по русской истории не имеет аналогов. Редкая начитанность и эксклюзивная эрудиция в соединении с титанической работоспособностью обернулись для науки необычайной продуктивностью. И при этом величайшая требовательность к себе уберегла историка от завышенной самооценки. Он по определению не способен присваивать себе право изрекать истины в последней инстанции, а тем более причислять себя к оракулам. По его разумению, взгляд «вполне правильный есть взгляд всесторонний», но он может принадлежать лишь существу совершенному, божеству. Человек же онтологически «не может иметь притязаний на всесторонность взглядов», и

его удел – «стремиться к возможному для него совершенству, к многосторонности изучения» [7, с. 9].

### *Что есть истина?*

«Что есть истина?» – вопрошает Соловьев и на этот сакраментальный вопрос отвечает так: «Древо познания не есть древо жизни! Народ делает последнюю попытку найти твердую почву; он бросает различные философские системы, не приведшие его к истине, и начинает преимущественно заниматься тем, что подлежит внешним чувствам человека: что я вижу, осязаю – то верно, вне этого верного ничего знать не хочу, ибо вне этого нет ничего верного, все фантазии, бредни». Однако подобный путь ведет в тупик. «Сначала, – отмечает историк, – это направление удовлетворяет, сфера знаний расширяется, результат добывается блестящий, точные науки процветают, их приложения производят обширный ряд житейских удобств. Но это удовлетворение, – уверен он, – скоро-преходящее» [7, с. 106].

Не правда ли, процитированные слова приобретают острую актуальность? Философско-социологическая зарисовка Соловьева приложима к сегодняшнему расчеловечиванию человека массовой культурой, утилитарно-бездуховному пользованию плодами научно-технического прогресса, культу легкой жизни, самодовольному паразитированию при отвращении к труду и презрению к людям труда, будь он физическим или интеллектуальным.

Здесь приоткрыт лишь верхний слой того необъятного богатства, которое заключено в общеизвестных сочинениях историка. Нет сомнения, что исследователей, которые продолжают изыскания в этом направлении, ждут драгоценные залежи интересного и в высшей степени актуального материала.

### *Заключение*

Итак, в сложном синтезе общественного бытия история и культура – величины зачастую слитные и равнозначные и выступают у Соловьева как сообщающиеся сосуды, даже как одно целое: ресурсы истории точно так же развернуты в культуре, как ресурсы культуры – в истории.

Перспективность дальнейшего изучения произведений классиков отечественной исторической мысли не вызывает сомнения, как и то, что в золотом фонде работ этих авторов найдутся новые неожиданные подходы, решения, критерии, актуальность и теоретическую значимость которых трудно переоценить. В этом плане линия исследования культуры Соловьевым очень показательна. Фактически в рамках культуры как системы историком выявлена субординация ценностей, в которой он различает различные по-

рядки, взаимосвязи, интересы, предпочтения и ориентации человеческого сообщества прошлых столетий и обнаруживает в воссозданной картине яркое отображение действительности, в том числе проблемных, конфликтных и кризисных ситуаций, возникающих в сфере человеческих взаимоотношений. Соловьев улавливает в историческом многоголосье богатую социальную полифонию, и культурная жизнь в его передаче не сводится к клише, общим словам и идиомам, давно запущенным в научный оборот, а складывается из кропотливо установленных ученым признаков и критериев положения людей в обществе, их социального расслоения, которые в следующем столетии будут обозначены введенным П. А. Сорокиным понятием «социальная стратификация». Однако историк уже из своего времени анализирует деление на социальные роли, обращая внимание на дистанции и перегородки в структуре общества как по вертикали, так и по горизонтали и на то, как воздействуют на ход вещей и человеческие взаимоотношения социальный статус, различные сословно-правовые и корпоративные позиции (имущественный ценз, благосостояние, причастность к власти, цеховая принадлежность и т. п.). Оптика исследований Соловьевым культуры была и остается корректной, в чем видится актуальность этого большого сегмента его научной работы. Ученый оперирует понятиями, которые воплотились в термины и теоретически оформились много позже. Он системно интегрирует знания о культуре, подходя ко вполне современному ее толкованию как многозначной объективной реальности, неисчерпаемой, как сама жизнь, и подлежащей непрерывному и бесконечному постижению.

### *Литература*

1. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002.
2. *Соловьев В.М.* Тайны истории. М. П. Погодин, Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский о пользе исторических знаний: Сборник / Сост., вст. ст. В. М.Соловьева. М.: Высшая школа, 1984.
3. *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983.
4. *Соловьев С.М.* Исторические письма. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983.
5. *Соловьев С.М.* История России. Кн. I // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 т. Т. 1–2 М.: Мысль, 1988.
6. *Соловьев С.М.* История России. Кн. II // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 т. Т. 3–4. М.: Мысль, 1988.
7. *Соловьев С.М.* Наблюдения над исторической жизнью народов // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVII: Работы разных лет / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Мысль, 1996.

8. Цимбаев Н.И. С. М. Соловьев и его научное наследие // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983.
9. Цимбаев Н.И. Комментарии к семнадцатой книге «Сочинений» С. М. Соловьева // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVII: Работы разных лет / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Мысль, 1996.

**Solovyov, Vladimir M. *Dialogue of history and culture in the creative heritage of S. M. Solovyov***

*References*

1. Lotman, Yu.M., *Istoriya i tipologiya russkoi kultury* [History and typology of Russian culture], St. Petersburg: Iskusstvo, 2002.
2. Solovyov, V.M., *Tainy istorii. M. P. Pogodin, N. I. Kostomarov, S. M. Solovyov, V. O. Klyuchevskiy o pol'ze istoricheskikh znaniy* [Secrets of history. M. P. Pogodin, N. I. Kostomarov, S. M. Solovyov, V. O. Klyuchevsky about the benefits of historical knowledge], Moscow: Vysshaya shkola, 1984.
3. Solovyov, S.M., *Izbrannye trudy. Zapiski* [Selected works. Notes], Moscow: Moscow University publishing house, 1983.
4. Solovyov, S.M., *Istoricheskie pis'ma* [Historical letters], Moscow: Moscow University publishing house, 1983.
5. Solovyov, S.M., *Istoriya Rossii* [History of Russia], book I, in Solovyov, S.M., *Sochineniya* [Works], in 18 vol., vol. 1–2, Moscow: Mysl', 1988.
6. Solovyov, S.M., *Istoriya Rossii* [History of Russia], book II, in Solovyov, S.M., *Sochineniya* [Works], in 18 vol., vol. 3–4. Moscow: Mysl', 1988.
7. Solovyov, S.M., *Nablyudeniya nad istoricheskoy zhizn'yu narodov* [Observations on the historical life of peoples], in Solovyov, S.M., *Sochineniya* [Works], in 18 books, Book 17: *Raboty raznykh let* [Works of different years], Moscow: Mysl', 1996.
8. Tsimbaev, N.I., *S. M. Solovyov i yego nauchnoe naslediyе* [Solovyov and his scientific heritage], in Solovyov, S.M., *Izbrannye trudy. Zapiski* [Selected works. Notes], Moscow: Moscow University publishing house, 1983.
9. Tsimbaev, N.I., *Kommentarii k semnadsatoi knige "Sochineniy" S. M. Solovyova* [Comments on the seventeenth book of "Works" by S. M. Solovyov], in Solovyov, S.M., *Sochineniya* [Works], in 18 books, Book 17: *Raboty raznykh let* [Works of different years], Moscow: Mysl', 1996.

**DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2018.3.5>**